

условием реализации принципов регионализма является соблюдение субсидарности, т.е. перераспределение компетенций от центральной власти к региональному и муниципальному уровням.

Литература

1. Глазова С.С., Панфилова Е.А., Биганова М.А. Сравнительный анализ европейского и российского трансграничного регионализма // *Фундаментальные исследования*. № 11-9. 2014. С. 2003-2009.
2. Корнеев В., Федоров Г. Еврорегионы – новый формат взаимодействия // *Космополис*. № 2 (21). 2008. С. 75-85.
3. Ассоциация европейских приграничных регионов АЕВР. [электронный ресурс]. <http://www.aebr.eu> (Дата обращения: 25.03.2016).
4. Характер и результаты развития трансграничных регионов в различных институциональных условиях на примере еврорегионов «Эресунн», «Псков-Ливония» и «Днепр» // *Вестник международных организаций*. Т. 8 № 4. М.: Высшая школа экономики, 2013. С. 196-211.
5. Рябов Д.В., Яковенко Г.В., Окунева А.В., Яковенко А.Г. Анализ современной практики и особенностей приграничного и трансграничного сотрудничества Российской Федерации с государствами-членами СНГ // *Известия МГТУ «МАМИ»* № 2(14), 2012. Т. 3. С. 238-241.
6. Таможенный Союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. СПб, Центр интеграционных исследований, 2012. 100 с.

Тимошкова О.А.

к.и.н., НИУ «БелГУ», Россия

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ: ИСПАНСКИЙ «ВЕКТОР» (1936 – МАЙ 1937 Г)

Статья посвящена взаимодействию Лондона с официальным Берлином в контексте разрешения международных проблем, порожденных первым этапом гражданской войны в Испании (1936 – май 1937 г.). Рассмотрены усилия правительства С. Болдуина в налаживании контактов с германским руководством и дипломатическими кругами с целью обеспечения защиты британских стратегических интересов в Европе.

Ключевые слова: гражданская война в Испании, международные отношения 30-х гг. XX в., внешняя политика Великобритании, британо-германские отношения.

Timoshkova O.A.

Belgorod National Research University, Russia

TO THE ISSUE OF FORMING BRITISH FOREIGN-POLICY STRATEGY FOR GERMANY: THE SPANISH POLITICAL "VECTOR" (JULY 1936 – MAY 1937)

The article is devoted to interaction of London with the official Berlin in the context of resolving international problems caused by the first stage of the Civil war in Spain (1936 – May 1937). The author has investigated the efforts of S. Baldwin's Government in establishing contacts

with the German leadership and the diplomatic community in order to protect British strategic interests in Europe.

Key words: Spanish Civil War, international relations in Europe, foreign policy of Great Britain, British-German relations.

Во второй половине 1930-х гг. взаимоотношения с Германией являлись для Великобритании одним из приоритетных направлений в европейской внешнеполитической стратегии. Интернационализация испанской гражданской войны стала серьезной международной проблемой, в контексте которой официальному Лондону необходимо было выстраивать свои отношения с Берлином, как в ходе реализации провозглашенного в конце августа 1936 г. невмешательства в дела Испании, так и двусторонних контактов. Гитлер стремился использовать новый европейский очаг напряженности для активизации экспансии в Центральной и Восточной Европе, сам факт конфликта – как средство консолидации фашистских сил на континенте [11:60-63; 12: 42]. Подобные установки представляли угрозу национальным британским интересам и вызывали обеспокоенность официального Лондона.

На начальном этапе войны в Испании официальный Берлин обозначил и весьма утрировал идеологический аспект вооруженного противостояния в Испании [10: 23]. Британское правительство обоснованно отказалось вести диалог с Германией в русле антикоммунистической риторики. Глава Форин Офис Э. Иден видел в последствиях событий на Пиренеях опасность разделения Европы на два противоборствующих лагеря [2: 25].

Несмотря на готовность к диалогу, руководство Великобритании было встревожено внешнеполитическими устремлениями Германии, озвученными руководством НСДАП на партийном съезде в Нюрнберге (сентябрь 1936 г.): требованиями вернуть германские колонии, изменить систему международных отношений, ущемляющую Рейх [6: 422-426]. Беседы советских дипломатов с британскими политиками и общественными деятелями в течение осени 1936 г. и анализ английской прессы свидетельствуют о том, что опасения перед растущей мощью Рейха усиливали в Лондоне антигерманские настроения [4: 102-103, 124].

Участие Германии в работе Комитета по невмешательству (далее – КПН) предоставляло Форин Офис возможность более широкого контакта с немецкой дипломатией в вопросах обеспечения общеевропейской стабильности [4: 39, 102-103]. В ходе заседаний КПН (с 9 сентября 1936 г.) фашистские страны, при попустительстве британской стороны, затягивали решение принципиальных вопросов, касавшихся предотвращения эскалации испанского конфликта. После выдвинутых советской стороной справедливых обвинений в нарушении Германией и Италией Соглашения о невмешательстве, Берлин и Рим сформулировали в адрес Советского Союза ответные обвинения, не имевшие реальных оснований [7: 388-389]. С целью недопущения обострения разногласий вокруг испанской проблемы и сохранения хотя бы видимости невмешательства британской дипломатией была избрана тактика блокирования советских демаршей после выдвигаемых фашистскими представителями в КПН

обвинений в адрес СССР (октябрь 1936 г.) [10: 60-62, 74]. Подобные меры демонстрировали, также, и готовность официального Лондона «закрывать глаза» на явные нарушения Соглашения о невмешательстве со стороны Италии и Германии [1: 40-45, 128-130; 7: 389].

Речь главы Форин Офис Э. Идена в Парламенте 5 ноября 1936 г. должна была очертить контуры будущего сотрудничества Лондона и Берлина: «В Германии неоднократно делались заявления о желании более тесной англо-германской дружбы. Это желание находит сочувственный отклик в нашей стране. Есть, однако, два условия... Во-первых, эта дружба не может быть исключительной; во-вторых, она не может быть направлена против кого бы то ни было» [2: 24]. Спустя две недели, выступая в Лимингтоне, глава английского МИДа заявил, что Британия готова на соглашение с Германией, если последняя хотя бы частично откажется от политики вооружений и агрессивных намерений [5:11].

В конце 1936 г. процесс нормализации германо-британских отношений был законсервирован в силу значительного расхождения позиций по ведущим европейским проблемам, в том числе, и в испанском вопросе. Британская дипломатия переключилась на подготовку «джентльменского соглашения» с Италией. Германия в течение ноября 1936 г. – января 1937 г. продолжала настаивать, что ее вмешательство в испанский конфликт вызвано опасениями победы на Пиренейском полуострове коммунистического режима, а победа мятежников соответствует интересам Великобритании [9: 132-133; 8: 563, 694].

Характер внешнеполитической деятельности Берлина в декабре 1936 г. вызывал в Форин Офис неоднозначные оценки. Британский посол в Берлине Э. Фиппс высказывал мнение, что блестящий период бескровных побед Германии в результате нарушений Соглашения о невмешательстве, закончен и Гитлер в перспективе не рискнет нападать на прошедшую перевооружение Британию [8: 721-722]. Однако его коллега О. Сарджент дал итогам деятельности немецкой дипломатии другую оценку: вследствие многих факторов (затягивание испанского конфликта, что угрожало Гитлеру вовлечением в опасную военную авантюру; нерешенный колониальный вопрос; некоторые отклонения Италии от общего курса в рамках «оси» – подготовка соглашения с Британией) «окончание блестящего периода бескровных побед» Германии не сулит Англии улучшения международной обстановки, так как Берлин в свете этих внешнеполитических неудач будет стремиться к успехам, и не только дипломатическим [8: 743]. По точному наблюдению советского полпреда в Лондоне И. Майского, к концу декабря 1936 г. Британия решила выждать дальнейшего развития ситуации в Испании, чтобы с учётом новых факторов определить свою стратегию в отношении Германии [2: 33].

Речь Гитлера 30 января 1937 г. перечеркнула надежды кабинета Болдуина достичь в ближайшей перспективе договорённости с немецким руководством. Фюрер недвусмысленно дал понять, что Германия не пойдёт на уступки ради достижения стабильности в Европе [4: 37-38; 5:39]. В середине февраля рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс подтвердил эту внешнеполитическую

установку, заявив, что Берлин не хочет европейской войны, но усиления большевизма в Европе не допустит [8: 232-233].

В британской стратегии на фоне испанского конфликта существенным был курс на усиление разногласий между Гитлером и Муссолини и максимально возможное ослабление германо-итальянского альянса. Мнение о временном характере сближения Берлина и Рима высказывалось в Форин Офис ещё 12 августа 1936 г.: сотрудник британского дипкорпуса в Италии Э. Ингрэм в беседе с советским поверенным в делах в Риме Л. Гельфандом заявлял, что как Гитлер, так и Муссолини не намерены всерьёз связывать с партнёром своё политическое будущее. Но сохранение видимости сближения дает фашистским державам возможность маневра в отношениях с другими европейскими странами [3: 116-119].

Согласно донесениям советских дипломатов, германское внешнеполитическое ведомство заверяло Лондон в конъюнктурном характере своего сближения с Италией и в готовности отказаться от него в случае дружественных шагов со стороны Англии [6: 579]. Накануне подписания «джентльменского соглашения» и Р. Ванситтарт, и А. Иден полагали, что завуалированную линию на отделение Рима от Берлина стоит продолжать, чтобы в дальнейшем иметь дело с «более разумной Германией» [7: 751-752].

В первой половине 1937 г. тактика разобщения фашистских режимов продемонстрировала свою малоэффективность: по мере увеличения вмешательства Италии в испанские события, особенно после ее поражения под Гуадалахарой (март 1937 г.), зависимость Рима от дипломатической и политической поддержки Берлина росла [10:40]. К середине апреля 1937 г. в руководстве Форин Офис сохранялись убеждения об отсутствии у фашистских государств оснований для действительно крепкого союза [8: 571,613-617]. В итоге правительству Болдуина не удалось ослабить итало-германские отношения, несмотря на то, что и Германия, и Италия, пусть в различной степени, но были заинтересованы в сотрудничестве с Англией.

Еще одним поводом для охлаждения отношений между Лондоном и Берлином стало принятия Великобританией в марте 1937 г. программы перевооружения. Военный министр правительства Болдуина А. Дафф-Купер открыто заявлял, что Англия вооружается для защиты своей Империи против Германии, Японии и Италии, но в первую очередь против Германии [5: 3; 8: 171, 267-268].

Весной 1937 г. берлинская дипломатия демонстрировала низкую активность в испанском вопросе, что нашло подробное объяснение в обзоре германской внешней политики, составленном 13 апреля Э. Фиппсом. Посол в Берлине констатировал, что в первые годы нахождения нацистов у власти Гитлер в сфере международных отношений отдавал приоритет процессу нормализации отношений с Англией. Однако, по мнению дипломата, нарастание германо-британских противоречий (в первую очередь, по колониальному вопросу) и недостаточная принципиальность Лондона в применении санкций к Италии после агрессии в Абиссинии снизили престиж Британии в убеждениях германского руководства. В свою очередь, испанский

конфликт сыграл важную роль в итало-германском сближении. Фиппс резюмировал, что «отношения Лондона и Берлина к настоящему моменту испорчены», и в качестве главных направлений германской внешней политики выделял: аншлюс Австрии и других немецкоязычных территорий (Судетская область Чехословакии); экспансию в Восточной Европе; возврат немецких колоний [8: 613-617].

Осторожность Британии в оценке германской тактики в испанском вопросе проявилась в событиях вокруг бомбардировки 26 апреля испанской Герники. Форин Офис не пошёл на обострение ситуации, несмотря на то, что английская пресса открыто обвиняла германских лётчиков в атаке на беззащитный испанский город [9: 283].

10 мая 1937 г. новый британский посол в Берлине Н. Гендерсон обозначил своё видение перспективы англо-германских отношений: в сложившихся обстоятельствах препятствия на пути сближения Берлина и Лондона практически непреодолимы. Англо-германское соглашение, предоставляющее Гитлеру свободу действий в приоритетных для него направлениях – Центральной и Восточной Европе, встретило бы ожесточённое сопротивление со стороны британской общественности и противодействие других государств [8: 865-866].

Пропагандистские и дипломатические усилия официального Лондона после прихода к власти кабинета Н. Чемберлена, известного своими умиротворительскими позициями, как раз будут сосредоточены на обеспечении лояльности политических и общественных кругов Великобритании в вопросе дальнейших уступок Германии и Италии в КПН с целью завершения испанского конфликта любой ценой и смещения вектора внешнеполитических амбиций Гитлера на восток.

Итак, позиция Германии в испанском вопросе, в частности, ее ограниченное, по сравнению с Италией, вмешательство в Гражданскую войну в Испании, давало английским политикам некоторые основания рассчитывать на то, что между Лондоном и Берлином есть основания для диалога. Значение испанского вопроса для Англии возросло с оформлением «оси» Берлин-Рим, хотя в реальности Форин Офис не верил в прочность данного союза и рассчитывал сыграть на разногласиях между фашистскими державами. В исследуемый период данная тактика успехов официальному Лондону не принесла.

Попытки германского руководства использовать фактор «коммунистической угрозы», ставший особенно актуальным с началом испанских событий, для сближения Берлина с Лондоном остались безуспешными. Во-первых, Англия не хотела разделением Европы на противоборствующие идеологические лагеря способствовать началу континентального конфликта. Во-вторых, агрессивность внешнеполитических планов Гитлера становилась всё очевиднее, обострялись германо-британские противоречия (в первую очередь, по колониальному вопросу) хУИЛИЬ.

Маневрирование Великобритании в Комитете по невмешательству между позициями ключевых его участников к середине 1937 г. трансформировалось в

явное сочувствие позициям Германии и Италии. В нарушении конструктивного диалога с Рейхом международные аспекты испанской проблемы носили скорее опосредованный характер. С середины 1937 г. германское руководство минимизировало вмешательство в испанские события, сведя его лишь к действиям ограниченного военного контингента и отдав итальянской дипломатии инициативу в ведении тактической борьбы в лондонском Комитете. Эта тенденция усложнила задачу поиска Британией компромиссов в испанском вопросе, интересующих Берлин (сглаживание инцидентов с германскими судами «Дойчланд» и «Лейпциг» и т.д.).

Умиротворение фашистских держав, ставшее основой британской внешней политики в 1937 г., всё ощутимее будет оказывать влияние на испанское направления деятельности Форин Офис. С целью защиты своих стратегических интересов приоритетной задачей на международной арене английское правительство Н. Чемберлена поставит поиск путей сближения с Германией. Ценой временного обеспечения британской национальной безопасности, наряду с регионами Восточной Европы, станет принесенная в жертву умиротворения республиканская Испания.

Литература

1. АВП РФ. Ф. 010 (Секретариат Н.Н. Крестинского). Оп. 11. П. 71. Д. 55.
2. АВП РФ. Ф.069 (Секретная референтура по Великобритании). Оп.21. П.62. Д. 4.
3. АВП РФ. Ф. 098 (Секретная референтура по Италии). Оп. 19. П. 141. Д. 658.
4. АВП РФ. Ф. 69 (Референтура по Великобритании). Оп. 24. П. 77. Д. 5.
5. АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. 823 с.
7. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. 2nd ser. Vol. 17. L., 1979.
8. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. 2nd ser. Vol. 18. L., 1982.
9. Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. III. Washington, 1950.
10. Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936-1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011. 291 с.
11. Leitz C. Nazi Germany and Francoist Spain 1936-1939 // Spain and Great Powers in the Twentieth Century. L., N.Y., 1999. P. 60-63.
12. Whealey R.H. Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War 1936-1939. The University Press of Kentucky, 1989. 269 p.